

ОТЗЫВ

**официального оппонента на диссертацию
Смирновой Ларисы Николаевны
«Борьба с коррупцией в КНР: международный опыт и «особая
китайская модель», представленную на соискание ученой степени
кандидата политических наук по специальности 23.00.02 –
«Политические институты, процессы и технологии»**

Диссертация Смирновой Л.Н. посвящена изучению современной антикоррупционной системы Китая, что весьма актуально в силу нескольких причин. Руководство КНР на современном этапе называет борьбу с коррупцией одним из главных направлений внутривнутриполитической деятельности, при этом в последние два года накал антикоррупционной кампании достиг беспрецедентного уровня. Интерес к происходящему в этой сфере подогревают многочисленные статьи и публикации китайских и зарубежных наблюдателей, пытающихся разгадать политическую подоплеку происходящего. Огромный резонанс конкретные события в области антикоррупционной деятельности вызывают у китайской общественности, бурно обсуждающей каждый поворот соответствующих дел в Интернете.

С другой стороны, существует дискуссия о том, насколько китайская практика борьбы с коррупционными проявлениями соотносится с международным опытом в этой области, с требованиями международных документов о гарантиях соблюдения гражданских и иных прав личности. Китай, ставший уже второй экономикой мира, занимает все более важное место в глобальных политико-экономических процессах, претендует не только на право голоса в решении всех основных международных проблем, но и на участие в формировании глобальных «правил игры» во всех областях, стремится продвигать свое влияние и так называемую «мягкую силу». При этом существует ощутимый разрыв между желанием КНР

приобрести еще большую «нормативную власть», и политической системой, явно не отвечающей экономической мощи страны и требующей адаптирования к новым условиям, в том числе к новой роли Китая в мировой системе. Имидж страны, в которой правящий класс, как считают многие китайские авторы, все более отчужден от интересов и чаяний простого народа, никак не может содействовать вышеуказанным намерениям китайской политической элиты к новой глобальной роли КНР, что своевременно замечено китайским руководством, предпринимающим в последнее время серьезнейшие усилия по морально-политической «перековке» партийной бюрократии и чиновничества, искоренению взяточничества, воровства и злоупотреблений служебным положением.

Для России, где в последние годы также были предприняты серьезные усилия по выстраиванию системы антикоррупционных мер, опыт КНР, также крупного пост-социалистического государства, к тому же нашего крупнейшего торгово-экономического партнера, весьма полезен и интересен. Кроме того, в условиях расширяющихся контактов нашим политикам и бизнесменам необходима актуальная и достоверная информация о реальном политическом и деловом климате в этой стране. В силу этих причин оценка антикоррупционной системы КНР на современном этапе является важной научной задачей.

Работа Л.Н. Смирновой характеризуется следующим рядом особенностей: она охватывает период с середины 2000-х годов, когда на международном уровне были опубликованы важные документы по методике антикоррупционной борьбы (обязывающие, помимо прочего, правительства разных стран сотрудничать в вопросе возвращения вывезенных за границу средств, полученных с помощью преступлений коррупционного свойства) вплоть до нынешнего этапа развития Китая под руководством команды Си Цзиньпина. Работа также ставит целью соотнести передовой опыт борьбы с соответствующими злоупотреблениями в развитых странах с практикой антикоррупционной работы в КНР. Для этого автор предпринимает

тщательный анализ законодательной базы правоохранительной работы в антикоррупционной сфере, а также разбирает институциональные особенности соответствующей системы современного Китая. Она также исследует влияние социально-психологических особенностей китайского общества и ряда культурно-философских традиций на формирование современной повестки дня в сфере конкретики антикоррупционных мер. На основе проделанного анализа ставится цель разработки прогноза возможных дальнейших мер совершенствования данной системы в Китае.

Исследование проведено с использованием большого количества научно-теоретических и эмпирических источников: научных публикаций отечественных и зарубежных ученых-китаистов, международных экспертов, разрабатывающих международные стандарты в области борьбы с коррупцией, международных нормативно-правовых актов и нормативно-правовых актов КНР (Конституции, уголовного, уголовно-процессуального кодексов КНР, других действующих законов и подзаконных актов), постановлений Коммунистической партии Китая, политических документов и заявлений официальных лиц, сообщений официальных средств массовой информации. Привлечение всех вышеупомянутых материалов дополняется также использованием статистических данных о борьбе с коррупцией в КНР, отчётов о работе органов государственной власти, судебных решений, социологических исследований.

Диссертант имела возможность апробировать сделанные ей оценки в ходе участия в нескольких научных конференциях по борьбе с коррупцией в Китае, общения с учёными в ведущих научных центрах Китая, регулярного чтения китайской периодики.

Автор провела комплексный анализ всех составляющих системы борьбы с коррупцией в КНР: антикоррупционную стратегию, выявление, расследование, доказывание и наказание преступлений коррупционного свойства, возвращение похищенных активов, предотвращение коррупции и институциональные аспекты борьбы с коррупцией. В диссертации

исследуются политико-правовые механизмы функционирования различных составляющих китайской антикоррупционной системы и прогнозируются возможные контуры ее реформы, причем автор высказывает мнение, что намечаемые реформы, по всей видимости, выходят за рамки борьбы с коррупцией в более широкую сферу, затрагивающую обсуждение дальнейшей модели политического развития КНР.

Диссертация является законченным научно-исследовательским трудом, выполненным автором самостоятельно на высоком исследовательском уровне. Автор принимала непосредственное участие в сборе данных, работая в структуре Всемирного банка, и в настоящее время, продолжает свою научную деятельность в Китае, где имеет возможность наблюдать и анализировать политическую ситуацию в стране изнутри.

Основные выводы диссертанта следующие:

1. в законодательстве и правоприменении КНР сохраняется весьма жёсткая ориентация уголовной антикоррупционной политики, что находит выражение в криминализации незаконного обогащения и в отсутствии иммунитета от уголовного преследования даже для высших государственных лиц. В отношении смертной казни просматривается тенденция постепенного снижения ее применения за коррупционные преступления;
2. институциональная организация и методы расследования и доказывания коррупции в судебном процессе служат ключом к пониманию китайской антикоррупционной системы. С одной стороны, они могут облегчать доказывание коррупции, но с другой стороны, эти меры содержат рычаги потенциального политического воздействия на процесс отправления правосудия и имеют недостатки с точки зрения процедурной справедливости и

могут снижать степень доверия к антикоррупционной системе в целом;

3. главная слабость китайской антикоррупционной системы кроется в сохранении условий для коррупции: дискреционных методах принятия решений, непрозрачности государственного управления и вековых традициях и особенностях устройства китайского общества;
4. в КНР формируются предпосылки для реформирования антикоррупционной системы, что обусловлено политической обстановкой и новыми тенденциями общественно-политической жизни в стране. Наиболее вероятной тенденцией реформ станет постепенное и осторожное снижение субъективно-политических факторов в законодательной, исполнительной и судебной власти, усиление прозрачности управления и расширение правового поля.

Теоретическая значимость работы заключается в разработке способов выявления специфики антикоррупционной системы по сравнению с международным опытом.

Практическая значимость исследования заключается в критическом анализе китайской системы борьбы с коррупцией на примерах конкретных механизмов (например, сочетание партийного и правоохранительного расследования) и прогнозе сценариев её развития. Автор ставит под вопрос как распространённые в российской литературе представления о высокой эффективности китайской системы, так и доминирующий в западной науке стереотип о полной неприемлемости китайских методов.

Диссертант обоснованно предостерегает от чрезмерного оптимизма: хотя на сегодняшний день Китай занимает лучшие позиции, чем Россия, в различных рейтингах уровней коррупции, но в Китае применяются меры, которые были в своё время реформированы в России по веским причинам (например, роль партийных постановлений в системе источников права). Нельзя не согласиться с автором и в предостережении от чрезмерного

пессимизма: направлением развития Китая является точно не откат назад к модели тоталитарного государства, а стремление ассимилировать лучшие достижения правозаконности и прозрачности, насколько это возможно на сложной китайской почве.

Результаты работы могут быть использованы для дальнейших научных исследований системы борьбы с коррупцией в КНР, исследований международных стандартов антикоррупционной политики, антикоррупционного законодательства и правоприменения отдельных стран, а также служить полезным материалом для оценки борьбы с коррупцией в России. Результаты исследования могут быть использованы в преподавании политологии, международных отношений, государственного управления, международного права, права зарубежных стран, политики, права и опыта государственного управления КНР, различных спецкурсов и тренингов по темам коррупции и борьбы с ней.

Диссертация написана доходчиво, грамотно и аккуратно оформлена. Автореферат соответствует основному содержанию диссертации.

При этом работа, как обычно бывает, не свободна и от некоторых недостатков и дискуссионных моментов.

В теоретическом аспекте необходимо заметить, что китайскую систему антикоррупционной борьбы она противопоставляет (или анализирует на фоне сопоставления) международной методике, разработанной на основе опыта развитых стран. При этом автор, по всей видимости, не учитывает, что недостатки китайской системы обусловлены не столько недостаточным знакомством с мировыми практиками, не совсем верной стратегией, боязнью открытости или традициями политической культуры, сколько несколько другим: на Западе в эпоху новейшего времени госаппарат и бюрократия возникли (эволюционировали) как послушный инструмент для обеспечения интересов правящих элит (собственников земельных, промышленных и финансовых активов), управленческая функция там фактически отделена от

владения капиталом и другими средствами производства, что вкупе с институтами политической демократии и независимой прессы обусловило высокую эффективность механизмов контроля за государственными структурами. В Китае же партийная бюрократия и чиновничество разных уровней и есть тот самый правящий субстрат, являющийся субъектом власти. По сути Коммунистическая партия Китая и есть основной коллективный собственник огромных материальных активов, создаваемых трудом китайского населения. Контролировать саму себя партии весьма сложно, несмотря на периодические кампании «суровых ударов», «охоты и на мух, и на тигров» и т.д. Неслучайно в КНР распространены понятия типа *хун эрдай* и *гуань эрдай*, описывающие ситуацию когда представители правящего класса всеми способами стремятся передать свой статус по наследству, а в руководстве большим количеством конкретных сфер управления, крупных китайских госпредприятий (также и крупных частных предприятий) мы видим детей высокопоставленных партийных и государственных руководителей (что получило название *тайцзыдан* – «партия принцев»). Впрочем, чего далеко ходить – сам нынешний генсек тов. Си Цзиньпин является также сыном одного из соратников Мао Цзэдуна, вице-премьера Госсовета КНР Си Чжунсюня. То же относится и к неоднократно упоминаемому на страницах диссертации Бо Силаю.

Переходя к некоторым отдельным моментам, по которым рецензент готов подискутировать с автором, заметим, что дело того же самого Бо Силая автор справедливо рассматривает весьма подробно и с разных точек зрения, обоснованно указывает на то, что процесс по делу этого ниспроверженного руководителя высокого ранга стал ценнейшим материалом для того, чтобы заглянуть в доселе скрытые от взглядов наблюдателей внутренние механизмы работы антикоррупционной системы КНР. Но при этом диссертант несколько абстрагируется от очень важного обстоятельства, без которого трудно всесторонне понять дело Бо Силая и все, что с ним связано. Речь идет о политической и фракционной составляющей в его деятельности,

о фактически наметившемся накануне 18-го съезда противостоянии разных подходов к определению дальнейшего пути развития Китая, о чем за последние два-три года написано достаточно много в китайских и зарубежных публикациях. Даже если диссертант не согласна с такой трактовкой событий вокруг «чунцинского дела», уместно было бы это оговорить в тексте диссертации.

Заметим попутно, что крах пресловутой «чунцинской модели» Бо Силая начался не с широко известного бегства вице-мэра Чунцина Ван Лицзюня в американское консульство в Чэнду весной 2012 г., а ранее, когда в кругах юридической общественности Китая стали множиться протесты против той модели борьбы с коррупцией и оргпреступностью, которую реализовывали в Чунцине Бо Силай и Ван Лицзюнь (кампания *дахэй*). (О нарушениях «социалистической законности» в Чунцине еще до событий весны 2012 г. некоторыми представителями юридических кругов высшему руководству в Пекине направлялись разного рода доклады и сообщения, см. например доклад Тун Чживэй - Хуа чжэн цзяошоу Тун Чживэй «Чунцин дахэй баогао»: Чунцин дахэй син шэхуй гуаньли фанши яньцзю баогао (Профессор Политико-юридического университета Восточного Китая Тун Чживэй «Кампания по борьбе с организованной преступностью в Чунцине: результаты исследования модели социального регулирования по принципу борьбы с оргпреступностью»). - http://www.360doc.com/content/12/0225/08/2743485_189444853.shtml).

Анализ того, что происходило в Чунцине, может пролить свет на то, как на практике происходит имплементация тех важных законодательных и организационных мер, о которых пишет диссертант. Нельзя исключать, при ближайшем рассмотрении окажется, что методы и практики, использовавшиеся в Чунцине, на самом деле применялись в Китае не только в этом отдельно взятом городе.

С другой стороны, сам процесс над Бо Силаем, несмотря на невиданную открытость, о которой справедливо пишет Л.Н. Смирнова, все же нельзя

считать в полном смысле слова торжеством справедливости и законности, так как по единодушному мнению всех экспертов, исход дела был predetermined задолго до начала судебного процесса, а демонстрировавшиеся через Интернет и социальные сети большие фрагменты записей из зала заседаний суда были призваны лишь создать внешнюю видимость «соревновательности сторон». Примечательно, что мнение о том, что суд над Бо Силаем не стал, несмотря на большую открытость и транспарентность, подлинным проявлением исключительно объективного и независимого от политических соображений рассмотрения, было высказано в Китае большим количеством экспертов по вопросам судебной системы, включая специалистов либеральных убеждений, до этого разоблачавших злоупотребления самого Бо Силая в Чунцине.

Не следует чрезмерно идеализировать и нынешнюю кампанию борьбы с «крупными тиграми», как в печати называют высокопоставленных функционеров, попавших под подозрение в коррупционных деяниях. Например, только что объявленное исключение из партии бывшего члена Постоянного Комитета Политбюро Чжоу Юнкана и передача документов по его делу в судебные органы, с одной стороны, выглядит как еще одно подтверждение решимости властей КНР бороться за чистоту рядов партии «невзирая на лица», строго стоять на страже законности. При этом широко известно, что сам Чжоу был близко связан с Бо Силаем, и, по мнению ряда специалистов, участвовал в политической интриге накануне 18-го съезда с попыткой пролоббировать назначение последнего в состав ПК ПБ ЦК КПК. Немалое количество из снятых с должностей в последнее время функционеров, в том числе тех, которые упоминаются автором в диссертации, были близкими друзьями или сослуживцами и подчиненными Чжоу Юнкана, так как по всей видимости, их задержание и допросы дали соответствующий материал для подготовки дела самого Чжоу.

Можно поспорить с автором и тогда, когда она высказывает гипотезу о нынешней активизации антикоррупционной борьбы как своеобразном

способе в современных китайских условиях продвижения вперед реформы политической системы. Вопрос крайне неоднозначен. С одной стороны, есть эксперты, которые считают, что нынешняя кампания по борьбе с коррупцией преследует цель психологически ошеломить бюрократию, сломать сопротивление так называемых «групп интересов», которые могут стоять на пути реформаторской повестки дня тандема Си Цзиньпина – Ли Кэцяна. Однако мы видим также в сопутствующей антикоррупционным мерам кампании по «воспитанию государственных служащих в духе линии народных масс» элементы скорее не реформистского, а неомаоистского характера. Это проявляется и в призывах «помнить какого цвета наше знамя», отказаться от вредных привычек и расточительности, быть ближе к массам, периодически отправляться на перевоспитание в сельскую местность. Это проявляется также и в мерах санкционного характера против независимых журналистов, интернет-разоблачителей и правозащитников, о чем постоянно пишут западные эксперты. Попутно выскажем и еще одну рекомендацию частного свойства, а именно: некоторые части диссертации можно было бы дополнить и углубить при чуть более широком привлечении китаеязычных публикаций тайваньских и гонконгских экспертов, а также материалов китаеязычных СМИ, существующих за пределами КНР.

Еще одно замечание: несмотря на громкие антикоррупционные расследования последних двух лет и небывалый накал пропагандистского сопровождения антикоррупционных мер, рейтинг Китая по самым последним данным «Транспэрэнси интернешнл» опустился почти на двадцать пунктов – с 80-го на 100-е место. К слову сказать, автор также использует рейтинги данной организации, но при этом надо учитывать то, что рейтинг отражает лишь представления экспертов данной организации об уровне коррупции, а не реальный уровень коррупции в стране.

Отметим, что после 3-го Пленума ЦК КПК 18-го созыва в ноябре 2013 г., о котором автор много говорит в тексте диссертации, в Китае в октябре 2014 года прошел еще и очень важный с точки зрения изучаемой темы 4-й

Пленум 18-го созыва, специально посвященный вопросам законности и управления государством на основе закона (*и фа чжи го*).

Не совсем можно согласиться с автором, когда она связывает значительную часть несовершенств системы антикоррупционных мер в КНР с традиционной культурой и конфуцианской традицией и при этом довольно жестко противопоставляет «закон» как главный регулятор общественной жизни в странах западной цивилизации и «мораль» как универсальный принцип в традиционном Китае. По крайней мере диалектика «закона» и «морали» в сравнении Китая и Запада представляется несколько более сложной. А проблема коррупции и поведения чиновников в традиционном Китае – это вообще отдельная и очень большая сфера исследований, по которой существует большой массив исследовательской литературы.

Дискуссионным представляется мнение автора о конкуренции России и Китая в сфере проецирования имиджа и важной роли проблематики коррупции в этом вопросе. Чаше в последнее время можно встретить сопоставление Китая с другим динамично развивающимся гигантом из числа стран БРИКС – с Индией. Возможно сопоставление с этой страной в плане антикоррупционных мер имело бы смысл.

Отметим и некоторые досадные огрехи фактографического порядка. Автор пишет, что должность секретаря Центральной комиссии по проверке дисциплины ЦКПД (в настоящий момент – Ван Цишань) сочетается с должностью вице-премьера Госсовета КНР (стр. 43). На самом деле это неточно. Нынешний секретарь ЦКПД Ван Цишань занимал должность Вице-премьера лишь до марта 2013 года, нынешний список вице-премьеров не включает Вана. Также она пишет, что в отечественной китаеведной науке две диссертации по теме борьбы с коррупцией последних лет были защищены в ИДВ РАН. Но на самом деле диссертация О.Ю. Адамс была защищена в Институте стран Азии и Африки МГУ (ИСАА МГУ).

Приведенные выше замечания не меняют общей высокой оценки представленной диссертации. Диссертация отвечает всем требованиям п.п. 9,

10, 11 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. N 842, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а ее автор Смирнова Лариса Николаевна заслуживает присуждения ученой степени кандидата политических наук по специальности 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии.

Основные результаты исследования опубликованы в пяти научных статьях в журналах из Перечня ВАК, в двух сборниках трудов, обсуждены на заседании Центра изучения стратегических проблем СВА и ШОС Института Дальнего Востока РАН и на международной конференции в Пекине.

Официальный оппонент Карнеев Андрей Ниязович, зам. директора ИСАА МГУ, доцент кафедры истории Китая, адрес: г. Москва, Моховая, 11, тел. 8-495-629-5578, адрес эл. почты: Andrei_Karneev@mail.ru

Кар.

Подпись официального оппонента заверяю

Зам. директора по научной работе

В.Е. Смирнов

В.Е. Смирнов

«5» декабря 2014 г.